
Седой валун в пустынном поле
К земле натруженной приник,
Как символ одинокой боли,
Как жизнью брошенный старик.

Покрытый мхом и сетью трещин,
Он тих и нем, он недвижим,
Но тоже дух его трепещет
От неба вечного над ним.

Им тоже властвуют заботы,
Омыт дождём его покров,
Как будто в гости ждёт кого-то
Из тьмы погаснувших веков.

У кладбищенской ветхой скамьи
Покаянной терзаюсь загадкой:
Где покоятся предки мои,
Где лежат мои прадед с прабабкой?

Я дорогу к погосту забыл,
Не о том, что сбылось, сожалея.
От крестов безымянных могил
Укоризненным холодом веет.

От рожденья не помня родства,
Как все олухи нашей планеты,
Понапрасну роняя слова,
Отбродил я по белому свету.

Может, снова сюда я приду,
От тоски задыхаясь старинной,
До того, как свой дом обрету
В чернозёме, намешанном с глиной.

Это будет потом, а пока
Отмечаю, как мудро и просто
Недовольные мной облака
Проплывают над древним погостом.

Лепечут встревоженно листья,
Паденья предчувствуя миг,
К траве, от росы шелковистой,
Блуждающий ветер приник.

А рядом раскисла дорога,
Грунтовая, словно судьба,
Чуть дальше – на пне одиноком –
Опёнков застыла гурьба.

Небес посветлевшая просинь,
Увядающая зелень болот
Вещают, что ранняя осень
Явила свой тихий приход.

Сбившись с дороги в погоне за мигом,
Всем это в жизни дано,
Плачет надрывно пчела-горемыка,
Бьётся в глухое окно.

Я замахал на неё полотенцем,
Руки над нею простёр,
Выдворил пленницу в тёмные сенцы,
Далее – в летний простор.

Мчись во весь дух в свой встревоженный улей,
В сотах родных затаись,
И вспоминай, как проснувшийся дурень
Спас твою бедную жизнь.

Покинув безвозвратно солнце
Согласно правилам светил,
Луч, зацепившись за оконце,
Мой тёмный угол посетил.

А в нём следы ночного страха
От неразгаданной тоски –
На скомканном листе бумаги
Мои нелепые стихи.

Сбегу неведомой дорогой,
Запутав все свои следы,
Лечить бессонные тревоги
До первой вспыхнувшей звезды...

Остановка. Разбитый большак
Тщетно манит романтикой странствий,
Плач бездомных несчастных собак
Раздаётся в безлюдном пространстве.

Пуст рюкзак, как сума бедняка,
Зябнут руки на стылом просторе,
Путь-дорога моя далека,
И полночный автобус не скоро.

Толстой коркой промёрзшая пыль
За дорожную тьму зацепилась.
В сотый раз эта русская быль
В моей долгой судьбе повторилась...

Я валюту заморскую видел в гробу.
Почему? Да откуда я знаю.
В одиночестве против теченья гробу,
Никому и ничем не мешая.

Мир стоит над душой, как удушливый дым,
Но от этого дух мой не ниже,
Только дата отправки к могилкам родным –
Всё точней, всё конкретней и ближе...

Души и сердца лекарь,
Мой идол, мой божок,
Петух, прокукарекав,
Взлетел на свой шесток.

Вокала чистый гений,
Мне больно говорить,
Что пару дней рожденья
Тебе осталось жить.

Скажу я без утайки,
За это не суди:
От топора хозяйки
Тебя мне не спасти.

Есть странные загадки,
Они всегда темны:
Мир этот жизнью краток,
В том нет ничьей вины.

Ну, а пока что царствуй,
Забыв своё чутьё,
В ухоженном пространстве,
Которое твоё...

За левым краем и за правым
Взрастает городская тень,
И над родной моей державой
Смолкает эхо деревень.

Что русский дух уже не грозен,
Лукавый русофоб твердит,
И глас его многоголосый
Кипящей серою смердит.

Нет, будет жить моя держава,
Не может, а – наверняка,
Пока не объегорит дьявол,
Однажды, Ваньку-дурака.

На окраине дикого сада
Я сажу у реки и смотрю,
Как туман молодой и лохматый
Оттеснил молодую зарю.

Он навис необъятной громадой
И закрыл голубеющий край.
Растревожила эта досада,
Хоть в холодную воду ныряй.

Точно знаю, туман разбредётся,
Разойдётся, как лёд по весне,
Отчего же так бьётся, так рвётся
Моё странное сердце во мне?

Хором бессонным лягушки заквакали,
Спать им мешает луна,
Птица проснулась и громко заплакала
В тёмном овраге без дна.

Сердце тревога пустая и странная
Жжёт, словно градус огня,
Всех зацепила она, окаянная,
Птицу, лягушек, меня.

Шёл от болота и вышел к болоту,
Путь мой до дома далёк,
А в кулаке моём, смоченный потом,
Сорванный стонет листок...

Я ослеп от неоновых мёртвых светил,
Я пропал в ожидании счастья,
Оттого, что не тех предавал и любил,
Я нагрёб целый ворох напастей.

Я тащить этот ворох громоздкий устал,
Он тяжёл, словно страх перед бездной.
Без надежды надеюсь на скорый привал,
Только место его неизвестно...

Зачем так сурово и строго,
Свернув на иной перевал,
Во мне отзвучала эпоха,
В которой я тоже звучал?

Зачем так легко и без страха,
Как в тот приснопамятный год,
Народ рассуждает о плахе,
Тесня к ней такой же народ?

Унижены вечные темы –
Свобода, рождение, смерть,
И только звезда Вифлеема
Велит мне страдать и терпеть...

Там, где восходит красно солнце,
В пространстве разномастных дач,
Нетрезвый хохот раздаётся,
А, может быть, похмельный плач.

Утихла праздная попойка
И весь её тоскливый быт,
А рядом дачная помойка
В бесхозном полюшке смердит...

Ни о чём не гадая заранее,
Задыхаясь от первой любви,
В зябком парке, на первом свидании
Целовал я ладони твои.

Очень быстро вмешалась разлука,
Навестив нас в положенный срок,
Мы с тобой растеряли друг друга
На изгибах судьбы и дорог.

Только в парке, старинном и ветхом,
Где иной уже бродит народ,
Постаревшее тихое эхо
Давних тех поцелуев живёт...

От кукования кукушки
Лес эхом сумрачным запел,
Не мне ль сегодня на опушке
Определяют мой предел?

Не дарит даже веры мнимой
За новым годом новый год.
Прошедшее невозвратимо,
А всё грядущее не в счёт...

Мне ощущать уже не странно,
Что видеть я давно привык
И дно гранёного стакана,
И мимолётной страсти лик.

Но не хочу уже, как прежде,
На медь разменивать слова.
Душа в изношенной одежде –
Младенцем трепетным – жива...

Над домом и полем, над рощей и садом
И вечен, и странен огонь звездопада.

Стареют и звёзды за счастьем в погоне,
Им срок обозначен на Божьей ладони.

И скорбно летят на небесный погост
Горящие жизни невидимых звёзд...

ПАМЯТИ ПИМЕНА КАРПОВА

*(Пимен Карпов – выдающийся русский поэт и прозаик,
друг С.А. Есенина, уроженец села Турка Хомутовского района Курской области)*

Он давно за последней чертой,
Где сияют иные светила.
Освещает их свет неземной
Силуэт незабвенной могилы.

Завершил он земные дела,
Русский гений духовного хлеба:
Его жизнь, как по ране, прошла,
Прошумела под кожаным небом.

Может, с помощью мира сего,
Может, с помощью мира иного,
Воскресает, из пыли, его
Вдохновенное зоркое Слово.

А поэт очарованно спит,
У судьбы не потребовав сдачи,
И листва над могилой звенит,
На ветру, заколдованным плачем...

НА РОДИНЕ ПИМЕНА КАРПОВА

Сквозь Турку, дух роняя тленный,
Стеной прополз бурьянный лес:
Накрыла мерзость запустенья
Простор его родимых мест.

Ни огонька крестьянской жизни,
Ни человеческого следа,
И в небо смотрит с укоризной
Колодцев чёрная вода.

Не зря он, видевший далече,
Ещё в немыслимом былом,
Пророчил нынешнюю нечисть
Своим талантливым пером.

Нечистой силе на потребу
Певца пустеющей земли
Ошмётки кожаного неба
Смертельно мучили и жгли.

Его, кто зрил в года лихие
Народа тяжкий недород,
Помимо нас – детей России –
Лишь край заброшенный поймёт...

У МОГИЛЫ ОТЦА

Я стремился за счастьем и горем,
Как к земле дождевая вода,
Но ушли за кудыкину гору
И надежды мои, и года.

А за этой горою кладбище,
Спит кладбище за этой горой,
Где отца земляное жилище
Поросло перезревшей травой.

Как же больно кресту поклониться,
А ведь пасть на колени хотел.
Не успел я по-русски проститься,
Я проститься с живым не успел.

Бьёт наотмашь увесистый ветер
И морщины сдувает с лица.
Сто веков или тысячелетий
Отделяют меня от отца.

Пряча думы свои горевые,
В безответном пространстве стою
У подножья отцовской могилы,
Как у жизни своей на краю...

ОСЕННЕЕ

Смотрите, как ливни устали лить
Над горестной Русской землей.
Вглядитесь, листва перестала быть
На кронах густою листвою.

Пытаются тучи пробиться на юг
За край почерневший небес.
От влаги давно задыхается луг,
Заросшее поле и лес.

И в мыслях и в небе – сплошной беспросвет,
И нервы, и нервы болят,
И всё монотонней дождливый рассвет
Сменяет дождливый закат.

Дожди не сдадут своего рубежа,
Пока есть предчувствие гроз.
И чаще, всё чаще стыдится душа
Внезапных нахлынувших слез...

ПОСВЯЩЕНИЕ

Что это – явь иль сон неясный,
Или отсвет былых времён?
Вы, может, вымысел прекрасный,
Которым я заморожён?

И, совершенно не случайно,
Ловлю я тайну Ваших глаз.
И космос дарит мне молчанье,
Соединяющее нас.

Мне бы увидеть – и не всеу –
Опять, среди сотен разных лиц,
Улыбку Вашу колдовскую
В тени изогнутых ресниц...

Уже и думаю едва,
Но, словно голову на плаху,
Бросаю мысли и слова
Я на уставшую бумагу.

Ночь полнолунная светла.
И так заливисто, безгрешно
Сверчок смеётся из угла
Над моей рифмою поспешной...

ПОСТСКРИПТУМ

Я был безгрешен той порою,
Приняв, как зло, слова твои:
Ведь ты из всех, любимых мною,
Одна призналась в нелюбви.

Я околдован был разлукой,
Я был бессонницей пленён.
Казалась ты, моя подруга,
Мне – окончанием времён.

Я позабыл тебя заочно,
Как чёрно-белое кино.
Всегда за точкой только точка.
И послесловие одно.

Я привык к ожиданию странствий
И живу на ничейной меже,
И иллюзия непостоянства
Гулко бьётся в уставшей душе.

Эх, рвануть бы рубаху до пояса
Да во имя великой любви,
Но уже не угнаться за поездом,
Что уносит надежды мои...

О всепрощении моля,
Чтоб накипь снять чужих заклятий,
Прибита Русская земля
К нерукотворному распятью.

Утерян ключ небесных врат.
И, среди хамства, лжи и блуда,
Из всех углов струится смрад
Старинного греха Иуды...

Я снова стал самим собой,
Гляжу вперед легко и смело,
И к дому отчему любовь
В душе ещё не затвердела.

И сил достаточно пока,
И, слава Богу, что, как прежде,
Летят над миром облака
Туманным призраком надежды...

РУССКАЯ БЫЛЬ

Он от вина был нисколько не пьян –
Душе его было невмочь.
Он выпил до дна свой последний стакан
И вышел в глухую ночь.

Калитку закрыл за собой навсегда.
Петляла тропа, как змея.
И еле держалась на небе звезда,
Звезда его бытия.

Его уже не тревожила высь
И в прошлом забытые дни,
Лишь в спину лучами толкали: «Вернись!» –
Домашних окон огни.

Идя в неизвестность, где ветер дул,
Ничейный, как мрак и снег,
Он взялся за сердце и горько заснул,
Как оказалось, навек...

Поднимается нехотя солнце
Над погостом пустого села.
Воду я достаю из колодца,
Как в колодце вода тяжела!

Не поможет небесная свита
Воскресить тебя, дедовский дом,
Даже пыль на тропинках убита
Торжествующим злым сорняком.

Ищут мысли покоя и места,
Ох, как мысли мои нележки!
И зияет в окрестностях сердца
Пустота – берегиня тоски...

О, как же одинока высь!
И как пышна листва!
Поди, попробуй, разберись –
Где правда, где молва.

Сиренево дымится даль,
В низинах тонет мгла...
Понять бы до конца печаль,
Которая прошла.

Но, как бы не трепала жизнь,
И кривда, и молва –
Всё так же одинока высь!
И как пышна листва!

Звезда, сорвавшись, залетела
За мглой накрытые поля.
Отголосила и отпела
Навеки молодость моя.

Ловлю дыханьем стылый ветер,
И холодею оттого,
Что я один на целом свете
Не понимаю н и ч е г о...

Он бежал от семьи и от славы
По велению странной тоски
Поселиться в бездомном сарае
У излучины тихой реки.

Ливень лил, и блистали зарницы,
И, устав от ходьбы и обид,
Он прилѣг у родимой криницы
И заснул. И заплакал навзрыд.

Не поймут ни цари, ни уроды,
Почему и по чьей же вине
Два пророка – Поэт и Природа –
Так похоже рыдают во сне...

Непогодою сбитые листья
Разлетались по мокрой земле,
И порывистый ветер со свистом
Пробивал себе место во мгле.

Ты сказала: – Умчимся далече? –
Чтобы радость бывшего сберечь –
К нашим прошлым неискренним встречам
От таких же сегодняшних встреч.

– Нет, там только больная разлука,
Там темно и печально – в былом...
И тогда ты расплакалась глухо,
Как прерывистый дождь за окном...

Попал ли я судьбою в масть?
На то ответ простой:
Я нахватался власти всласть,
Безвластия – с лихвой.

Когда уйдёт во тьму мой век,
То, падая во тьму,
Прервав секундной стрелки бег,
Иное я пойму...

БЕССОННИЦА

Высокая полночь светила свои
Картиной созвездий зажгла.
Ветвистые тени на землю легли,
И темень на тени легла.

Ни стука, ни звука. Дремотная тишь,
Нежданный обманный покой.
Мелькнула в пространстве летучая мышь,
Беззвучно зовя за собой.

Заснуть от причинной тоски не сумел,
Ход мыслей тягуч и непрост.
И как ощущается чей-то предел,
От всполохов гибнущих звёзд!

Секунды стекают в бездонный провал,
Где света и памяти нет,
И, кажется, что безвозвратно пропал
Далёкий, как счастье, рассвет...

Те и не те леса глухие,
Тот и не тот уже народ.
Остался от былой России
Лишь звёздный вечный небосвод.

На юных и не юных лицах
Печать растрепанья видна:
Лукавым демоном бесстыдства
Страна моя побеждена...

О всём несбывшемся, о прожитом,
Что жизнь светла и нелегка,
Так неизбежно, так встревоженно
Напомнил возглас петуха.

Рассветным часом засиневшим,
Который длится без конца,
Уже навеки постаревшим
Стою у отчего крыльца...

Есть посёлок, где можно согреться,
Ветром тихого счастья дыша,
Там и сердце наполнено сердцем,
И в душе воскресает душа.

Ощущаются там по-иному
Для меня и реальность и сны,
Днём и ночью там пахнет весной –
Круглый год – от весны до весны.

Тает жизнь, как вечерние свечи,
Оттого со сторонкой моей
С каждым годом пронзительней встречи,
С каждым разом разлука – больней.

Мне б успеть – до предсмертного бреда,
Перед тем, как увянуть во мгле,
Вдох последний и выдох последний
Посвятить Хомутовской земле...